

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 18**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 18**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 18 / С. М. Соловьев — «Public Domain», — (История России с древнейших времен)

Семнадцатый и восемнадцатый тома сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». В них продолжено начатое в предыдущих томах повествование о царствовании Петра I, освещены события внешней политики России, изменения внутри страны, годы, последовавшие за смертью императора.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 18. От царствования императора Петра Великого до царствования императрицы Екатерины I Алексеевны. 1703–1727 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Дела восточные. – Сношения с Китаем; посольства Избранта, Измайлова. – Поход полковника Бухгольца к Эркети. – Он оттеснен калмыками. – Основание Омска. – Поход в Хиву князя Александра Бековича-Черкасского. – Его гибель там. – Хивинский посланник умирает в Петербургской крепости. – Дела калмыцкие. – Усобища между калмыками. – Смерть хана Аюки. – Деятельность астраханского губернатора Вольнского при избрании ему преемника. – Отношения к Кубанской Орде и Кабарде. – Столкновение здесь у России с Турциею. – Сношения с Персиею; посольство туда Вольнского. – Бедственное положение Персии. – Наставление Вольнского, что должно действовать в Персии и на Кавказе вооруженною рукою. – Персидские бунтовщики берут Шемаху и наносят большой урон русской торговле. – Петр по окончании Северной войны решает на поход в Персию. – Вольнский описывает состояние горских князей. – Петр отправляется в Астрахань по Оке и Волге. – Плавание по Каспийскому морю. – Высадка в Аграханском заливе. – Занятие Дербента. – Возвращение от Дербента. – Основание крепости Св. Креста. – Переговоры с персидским правительством. – Полковник Шипов занимает город Рязь; генерал Матюшкин занимает Баку. – Мирный договор с Персиею. – Распоряжения Петра в новоприобретенном крае. – Сношения с армянами. – Столкновения с Турциею по поводу дел персидских. – Мирное окончание этих столкновений. – Отношения к Грузии.

До сих пор мы видели Петра преимущественно на западных границах его государства, видели, как он добивался моря и на его берегах построил новую столицу. Здесь была главная опасность, здесь была великая цель, достижение которой было завещано великому человеку предками. Но и здесь деятельность Петра не была одностороння: он не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницею в торговом отношении между Европою и Азиею. Употребляя все усилия, чтоб утвердиться на берегах Балтийского моря, Петр рыл каналы для соединения его с Каспийским морем. Страны Востока, от Китая до Турции, одинаково обращали на себя внимание Петра. Мы видели, как при встрече русских владений с китайскими вследствие деятельности открывателей и покорителей новых земель определились границы между двумя государствами в правление Софьи. В 1692 году отправился в Китай датчанин Елизарий Избрант с государевою грамотою к богдыхану Шинг-Дсу, известному более под именем Кганг-Ги (Всеобщий Покой), прославленному иезуитами за покровительство, их ордену оказанное, выставленному ими за образец государя (царствовал от 1662 до 1722 года). Когда Избрант приехал в царствующий град Пежин (Пекин), то его теснотою заставили нарушить обычай, по которому царская грамота отдавалась непосредственно государю, заставили передать ее ближним богдыхановым людям. Когда грамота была переведена, то Избранту объявили выговор от богдыхана за то, что в грамоте царское имя и титул написаны прежде, а богдыхановы после;

грамота и подарки отданы были назад. Избрант не хотел их брать, но ему объявили, что в случае его упорства царская грамота будет брошена, а он будет выбит из царства с бесчестьем; Избрант взял грамоту и подарки, и тогда ближние люди объявили ему, что богдыхан из-за грамоты с великими государями ссориться не будет и отправит к ним свою грамоту, только титул напишет иначе, чем он написан в русской грамоте, напишет просто: «Белым царям». На это Избрант не согласился; несмотря на то, он был допущен к богдыхану, причем кланялся ему по китайскому обычаю, становясь на колена. Богдыхан был «обличием мунгальским, усы немалые, борода небольшая, черная». Богдыхан жаловал Избранта из своих рук чрез ближнего человека горячим вином и спрашивал у него чрез иезуитов: «Из Московского государства до Французской, Италийской и Польской земель как скоро можно поспеть сухим и водяным путем?» Избрант отвечал, что во Францию можно поспеть недель в десять, в Италию – в двенадцать и в Польшу – в две недели. Избранту было наказано требовать от китайского правительства, чтоб выданы были изменники из сибирских инородцев, освобождены были русские пленники; чтоб богдыхан приказал высылать в Москву серебра доброго пуд по тысяче и больше с своими купчинами, которые покупали бы всякие русские и немецкие товары, какие будут им годны; чтоб приказал высылать дорогие камни, пряные зелья и всякие коренья, которые в Китайском государстве водятся; приказал своим китайцам приезжать в Российское государство со всякими товарами; приказал в Китайском государстве дать место под церковь, которая будет выстроена царскою казною. Кроме того, Избранту было наказано разведать о разных делах, и он, заплатив большие деньги, разведал от иезуита-француза, что богдыхан желает сохранять мир с Россиею; но желает ли пересылаться послами и посланниками и отправлять купчин с своим серебром и товарами, также простых купцов, об этом самом важном для русского правительства деле разузнать ничего не мог, хотя по наказу и разглашал между китайскими купцами о вольной торговле, какую ведут в России иноземцы, и о дорогих русских товарах. В 1719 году Петр отправил к богдыхану лейб-гвардии Преображенского полка капитана Льва Измайлова в чине чрезвычайного посланника. Измайлов торжественно, с большою пышностью въехал в Пекин и объявил богдыхановым ближним людям, что приехал от его императорского величества с любительною грамотою для подтверждения и возобновления прежней дружбы; что для избежания всяких споров в грамоте находится один богдыханов титул, а императорское величество изволил только подписать высокое имя свое без титулов. Ближние люди уговаривали Измайлова, чтоб он, когда будет у богдыхана, поступал учтиво, потому что когда был у богдыхана русский посланник Николай Спафари и богдыхан спросил его, учился ли он астрономии, то он отвечал, что учился; когда же богдыхан спросил об одной звезде, которая называется Золотой Гвоздь, то Спафари отвечал очень грубо: «Я на небе не бывал и имен звездам не знаю». Грамоты не требовали сначала к ближним людям, удовольствовались латинским списком, потому что посланник был человек знатный и умный. Измайлов объявил иезуитам, что если они будут радеть императорскому величеству, то государь отблагодарит за это их общество: позволено им будет посылать письма через Сибирь посредством русских людей и другие многие вольности получают. Иезуиты объявили готовность служить посланнику. На аудиенции богдыхан сказал во всеуслышание, что он хотя имел и имеет древние законы, запрещающие принимать грамоты у чужестранных послов, однако теперь, почитая императора российского как своего равного друга и соседа, оставляет прежние законы и принимает грамоту из рук посланника. Но от коленопреклонения Измайлов освобожден не был. Богдыхан объявил ему, что из дружбы к императорскому величеству он устроил нарочно для него, посланника, пир, на котором присутствуют все знатные люди; спрашивал, знает ли он астрономию или другие какие художества и есть ли при нем люди, умеющие играть на инструментах. Измайлов отвечал, что он астрономии не учился, а музыканты у него есть, которые играют на трубах и на скрипках. Потом богдыхан спрашивал у посланника, какие науки в России, Измайлов отвечал, что есть в России всякие науки и ученые: математики, астрономы, инженеры, архитекторы и другие разные художники

и музыканты. Богдыхан спрашивал, не противно ли посланнику, что иезуиты помещены выше его. «Я их держу не чиновными людьми, – говорил богдыхан, – они живут в государстве моем более двухсот лет и никакого другого дела не имеют, кроме религиозного, в чем я им не препятствую; притом это люди ученые и много людей в моем государстве научили разным наукам, и сам я у них математике и астрономии выучился». Спрашивал, не противно ли посланнику, что он разговаривает с ним чрез иезуитов, и передали ли иезуиты, что он оказывает к императорскому величеству любовь. Измайлов отвечал, что довольно слышал от иезуитов о дружбе его к императорскому величеству, что его, богдыханова, милость является ко всем, а особенно к ученым людям, о чем и в Европе известно.

Потом Измайлов был позван в другой раз во дворец, и богдыхан сказал ему: «Прежде ты был на аудиенции по нашему обыкновению, а теперь поступай по-своему, ешь и веселись запросто». Принесли стол и поставили кушанье, очень хорошо изготовленное. Когда посланник кончил обед и поклонился по-европейски, богдыхан начал говорить: «Скажу я тебе два слова, ты на них ничего не отвечай, только держи в памяти, чтоб донести своему государю: царское величество – такой великий и славный монарх, владение имеет большое, и слышал я, что изволит ходить против неприятеля своего на кораблях, а море – махина великая, и бывают на том море волны огромные, и оттого бывает страх немалый; так чтоб изволил свое здоровье хранить, потому что есть у него добрые воины и верные слуги, и изволил бы их посылать, а сам был бы в покое, ибо я желаю быть с его величеством в великой дружбе; не в указ говорю, чтоб неприятелям своим не противился, но жалея об особе его величества. Хотя из России уходят в нашу сторону человек по 20 и по 30, также из моих владений в Россию, но от таких бездельников дружба наша никогда не повредится. Из-за чего нам ссориться? Россия – государство холодное и дальнее: если б я послал свои войска, то все померзли бы, и хотя бы чем-нибудь и завладели, то какая в том прибыль? А наша сторона жаркая, и если императорское величество пошлет против меня свои войска, то могут напрасно помереть, потому что к жару непривычны, и хотя бы и завладели чем-нибудь – невеликая прибыль, потому что в обоих государствах земли множество».

В конференции с министрами Измайлов начал хлопотать о свободной и беспошлинной торговле, требовал, чтобы русские купцы могли иметь свою церковь, чтоб в Китае был русский генеральный консул и вице-консулы по разным городам с правами, какие они имеют во всем свете; такие же права должны получить и китайские подданные в русских владениях. Китайцы отвечали: «У нашего государя торгов никаких нет, а вы купечество свое высоко ставите; мы купеческими делами пренебрегаем, у нас ими занимаются самые убогие люди и слуги, и пользы нам от вашей торговли никакой нет, товаров русских у нас много, хотя бы ваши люди и не возили, и в провожании ваших купцов нам убыток». Измайлов настаивал. К счастью для китайцев, пришло известие, что 700 человек монголов перебежало за русскую границу. Этому случаю обрадовались и объявили Измайлову, что до тех пор не дадут ответа на его предложения, пока не кончится дело о беглецах. С этим Измайлов и должен был выехать из Пекина. Он оставил было там агента Ланга; но и его китайцы поспешили выпроводить, притесняли русских купцов, не слушая представлений Ланга и повторяя, что у них торговля считается делом ничтожным и для нее не стоит русскому агенту жить в Пекине; не пустили и епископа Иннокентия Кульчицкого, назначенного для построения русской церкви и утверждения миссии в Пекине, делали и захваты на русской земле, все жалуясь на невыдачу монгольских перебежчиков.

С Китаем не ладилось. Но приходили известия о металлических богатствах Средней Азии, и Петр, сильно нуждаясь в деньгах, не оставил без внимания эти известия. Сибирский губернатор князь Гагарин донес, что в Сибири, близ калмыцкого городка Эркети на реке Дарье, добывают песочное золото. В 1714 году отправили туда подполковника Бухгольца, велели ему идти на Ямышь-озеро, где построить крепость на зимовье, а по весне идти к Эркети, овладеть

ею и проведывать об устье Дарьи-реки. В начале 1716 года Бухгольц дал знать, что крепость построена, но к Эркети идти за малолюдством небезопасно и что солдаты от него бегут, ибо в сибирских городах всяких гулящих людей принимают и вольно им там жить. По отправлении этого известия к крепости, где сидел Бухгольц, пришло калмыков более 10000 человек; русские бились с ними 12 часов, отбили, но неприятель стал кругом, пресек сообщение и прислал следующее письмо: «Черен-Дондук господину полковнику послал письмо. Наперед сего контайши с великим государем жили в совете, и торговали, и пословались, и прежде русские люди езжали, а города не страивали. Война стала, что указу государева о строении города нет и город построен ложными словами, и если война будет, то я буду жить кругом города, и людей твоих никуда не пущу, и из города никого не выпущу, запасы твои все издержатся, и будете голодны, и город возьму; и если ты не хочешь войны, то съезжай с места, и, как прежде жили, так будем и теперь жить и торговать, станем жить в совете и любви». В гарнизоне обнаружилась болезнь, солдаты начали мереть, и Бухгольц 28 апреля, разорив крепость, ушел на дощениках вниз по Иртышу и на устье реки Оми построил другую крепость, где и оставил свое войско. В 1719 году Лихарев, посланный, как мы видели, в Сибирь для разыскивания о поведении князя Матвея Гагарина, между прочим, получил наказ: трудиться всеми мерами, разузнать о золоте еркецком, подлинно ли оно есть, и, от кого Гагарин узнал, тех людей отыскать, также и других знающих людей, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди, и, там разведав, стараться сколько возможно, чтоб дойти до Зайсана-озера, и если туда дойти возможно и там берега такие, что есть леса и прочие потребности для жилья, то построить у Зайсана крепость и посадить людей; потом проведывать о пути от Зайсана-озера к Эркети, как далеко и возможно ли дойти? Также нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впали в Дарью-реку или в Аральское море? Все это делать сколько возможно и в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не причинить; также розыскать о подполковнике Бухгольце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также и о прочих его худых поступках.

Это увещание «не входить в газард» было нужно после несчастного исхода другой экспедиции, имевшей целью ту же соблазнительную Эркетъ, только с другого конца. В мае 1714 года Петр дал указ Сенату: «Послать в Хиву (к хану) с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухары к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее, чтоб проведать про город Эркетъ, сколько далеко оный от Каспийского моря? и нет ли каких рек оттоль или хотя не от самого того места, однако ж в близости в Каспийское море?» В начале 1716 года для этого проведывания отправлен был князь Александр Бекович-Черкасский, бывший уже прежде на Каспийском море и описавший часть его берегов. Петр дал следующий наказ: «1) надлежит над гаванью, где бывало устье Аму-Дарьи реки, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинский. 2) Ехать к хану хивинскому послом, а путь держать подле той реки и осмотреть прилежно течение ее, также и плотины, если возможно эту воду опять обратить в старое ложе, а прочие устья запереть, которые идут в Аральское море. 3) Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Аму-Дарье реке для строения же крепости тайным образом, и если возможно будет, то и тут другой город сделать. 4) Хана хивинского склонить к верности и подданству, обещая ему наследственное владение, для чего предложить ему гвардию, чтоб он за то радел в наших интересах. 5) Если он охотно это примет и станет просить гвардии и без нее не будет ничего делать, опасаясь своих людей, то дать ему гвардию сколько пристойно, но чтоб была на его жалованьи; если же станет говорить, что содержать ее ему нечем, то на год оставить ее на своем жалованьи, а потом чтоб он платил. 6) Если таким или другим образом хан склонится на нашу сторону, то просить его, чтоб послал своих людей, при которых и наших два человека было бы, водою по Сыр-Дарье реке вверх до Эркет-городка для осмотра золота. 7) Также просить у него судов и на них отпустить кунчину по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и потом продолжал бы

путь в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться из Индии тем же путем; если же в Индии услышит о лучшем пути к Каспийскому морю, то возвратиться тем путем и описать его. 8) Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, нельзя ли его хотя не в подданство, то в дружбу привести таким же образом, ибо и там также ханы бедствуют от подданных. 9) Для всего этого надобно дать регулярных 4000 человек, судов сколько нужно, грамоты к обоим ханам, также купчине к ханам и к Моголу. 10) Из морских офицеров поручика Кожина и навигаторов человек пять или больше послать, которых употребить в обе посылки: в первую – под видом купчины, в другую – к Эркети. 11) Инженеров дать двух человек. 12) Нарядить козаков яицких полторы тысячи, гребенских – 500 да сто человек драгун с добрым командиром, которым идти под видом провожания каравана из Астрахани и для строения города; и когда они придут к плотине, тут велеть им стать и по реке прислать к морю для провожания князя Черкасского, сколько человек пристойно. Командиру смотреть накрепко, чтоб с жителями обходились ласково и без тягости. 13) Поручику Кожину приказать, чтоб он там разведал о пряхных зельях и о других товарах, и как для этого дела, так и для отпуска товаров придать ему двух человек добрых людей из купчества, чтоб не были стары». Из переписки с Черкасским до нас дошло письмо к нему Петра от 13 мая 1716 года: «Письмо это и пробу золота и камня, из чего зело дорогую краску делают, получил я и за оное вам благодарствуем, что же о посылке до Иркети и буде вам можно будет, пошли, буде нельзя – оставить можно. О после бухарском писал ты в Сенат, чтоб вам сообщили, с чем оный приехал; бухарцев и хивинцев свободить ныне нельзя, понеже они в переписках с турки явились для отдания Астрахани; но ежели ханы их об них станут просить, то можешь обещать их отпустить при своем возвращении, ежели ханы будут доброе намерение к нам иметь. Что же пишешь – ежели хан хивинский не склонится, и я не могу знать в чем, только велено вам, чтоб в дружбе были и чтоб купчину послать водою в Индию и ежели надобна им гвардия; только о гвардии не похотят, и то в их воле, а в дружбе, чаю, не откажут, также и купчину удержать им нельзя, а буде паче чаяния купчину водою не пропустят и в дружбе откажут, то более нечего делать, только что те два города делай, и плотину разори, и по реке вверх, сколько время допустит, и смотри току ее, и впрочем трудись неотложно по крайней мере исполнить по данным вам пунктам, а ко мне не описывайся для указов, понеже, как и сам пишешь, что невозможно из такой дальности указы получать».

Сенат сделал все нужные распоряжения для отправления экспедиции, и осенью 1716 года Черкасский выехал в Каспийское море из устьев Волги и пристал к урочищу Тюк-Караган, где велел строить крепость в месте, по показанию Кожина чрезвычайно неудобном: не было тут ни земли, ни леса, ни воды свежей, только один песок, нанесенный морем. От Тюк-Карагана Черкасский поехал далее морем и в начале ноября пристал к урочищу Красные Воды, где велел строить другую крепость, также, по отзывам Кожина, на дурном месте, не имеющем ни леса, ни воды, ни травы, при глухом заливе, где морская вода стоячая и гнилая. С Красных Вод Черкасский возвратился к Тюк-Карагану, где в оставленном для строения крепости отряде было больших солдат и матросов с 700 человек да умерло со 120 человек. 20 февраля 1717 года Черкасский возвратился в Астрахань, куда с разных сторон приходили дурные вести; находившийся в русском подданстве калмыцкий хан Аюка писал: «Служилые люди идут в Хиву, и нам слышно, что тамошние бухарцы, кайсаки, каракалпаки, хивинцы собираются вместе, хотят на служилых людей идти боем; а я слышал, там воды нет и сена нет государевым служилым людям: как бы худо не было?» Посланные Черкасским в Хиву люди также давали знать о неприятельских сборах, боялись, что Черкасский придет не в качестве посла, а возьмет Хиву обманом; посланцам Черкасского говорили: «Для чего вы города строите на чужой земле?» Взявши в Астрахани 600 человек драгун, яицких и гребенских козаков, астраханских дворян, татар, черкес, хивинцев, бухарцев и других народов, тысячи с три человек, Черкасский пошел весною в Хиву сухим путем, и чрез несколько времени разнеслась весть, что он погиб в этом походе со всем отрядом.

В октябре 1717 года яицкий козак татарин Ахметев, бывший в этом отряде, рассказывал, что 15 августа поутру Черкасский пришел к озерам реки Дарьи, дней за шесть пути от Хивы; и в тот самый день и ночью войско сделало себе крепость, обрылось землею, и ров с трех сторон, а с четвертой – озеро. На другой же день утром явилось хивинское войско, конное и пешее, и стало бить из пищалей и пускать стрелы, и в три дня побило козаков человек с десять; Черкасский отбивался из крепости, стреляя из пушек и ружей. На четвертый день хан прислал к Черкасскому с мирными предложениями, и знатные хивинцы целовали коран, что над государевыми войсками зла никакого не сделают и будут соблюдать мирное постановление. После этого Черкасский ездил к хану с подарками. Хан стал ему говорить, что всего русского войска в Хиве прокормить нельзя, надобно расставить его отрядами в пяти городах. Черкасский согласился, и отряд яицких козаков из 240 человек, в котором находился Ахметев, отправился в назначенное ему место в сопровождении тысячи человек конных хивинцев. Отряд ночевал в степи спокойно, но на другой день утром провожатые стали разбирать козаков по рукам и перевязали, оружие, лошадей и пожитки взяли себе; козаков повезли дальше под караулом, но Ахметева отпустили с дороги. Он пришел в Хиву на гостиный двор, где нашел двух яицких козаков, которые рассказали ему, что хан стал собирать войско после того, как приехали к нему посланники от калмыцкого хана Аюки; накануне прихода Ахметева возвратился в Хиву хан из похода и велел выставить на виселице две головы; хивинцы говорили, что это головы князя Черкасского и бывшего при нем астраханского дворянина князя Михайлы Заманова. Ахметев видел в Хиве и живых русских людей, бывших в войске Черкасского: ходят порознь за караулами, говорить друг с другом не могут. Ахметев уехал из Хивы тайком в караване, отправлявшемся в Астрахань. По рассказу калмыка Бакши, бывшего в походе с русскими, хивинский хан договорился с Черкасским, что последний будет принят в Хиве как обыкновенный посланник; Черкасский с своим отрядом пошел к Хиве, и хан шел с ним вместе, вместе ели и пили; но за день пути до города хивинцы разобрали русских без бою и привели в Хиву. На другой день хан рассказывал Бакше, что он князей Черкасского и Заманова казнил, отсек им головы и, снявши кожу, велел набить травою и поставить у ворот. Бакша видел головы, но не мог признать, действительно ли это головы Черкасского и Заманова, потому что кожа снята и набита травою.

Прошло почти три года. В мае 1720 года приехал в Астрахань хивинский посол Вейс-Мамбетъ и прислал список с ханской грамоты к царю. «Прежде, – писал хан, – имели мы с вами дружелюбие, которое и теперь иметь желаем; но между вами и нами произошла ссора от того: пришла к нам ведомость, что едет к нам послом Девлет-Гирей (?); мы обрадовались, но потом услышали, что Девлет-Гирей между наших улусов хочет строить города; мы ему это запретили, но он не послушался и город построил; потом прислал к нам своего посланца с тем, чтоб чрез большую Дарью-реку мост мостить, что он чрез ту реку будет переправляться с войском, так мы бы прислали к нему лошадей. Мы отправили к нему переговорить обо всем посланника; над этим посланником нашим у Девлет-Гирея ругались, хотели его связать и убить до смерти; посланник ушел и объявил нам, что Девлет-Гирей приехал не для посольства, но для строения города. Мы опять послали к нему еще слуг своих, но он, не допусти их до себя, начал в них стрелять из пушек, произошел бой, и в то время многих наших людей побили, и наши люди многих русских людей побили, и Девлет-Гирея привезли со всякими русскими людьми ко мне, и которые русские люди взяты живые, и тех удержали мы у себя на случай, если вы, великий государь, у нас их спросите, а у нас с вами войну вести и в уме нет». Только в конце августа из коллегии Иностранных дел послан был указ астраханскому губернатору: хивинского посла прислать в Петербург, дав ему подводы и кормовые деньги не как послу, но как арестанту, чем только ему с людьми его можно быть сыту, отправить с ним офицера с пристойным числом солдат, который должен смотреть, чтоб посол как-нибудь не ушел, однако должен обходиться с ним политично и ласково; впрочем, объявить ему, что он отправляется за арестом, потому что его хан поступил неприятельски с князем Черкасским, отправленным в характере посольском.

В начале 1721 года посланника привезли в Петербург. Его привели в Иностранную коллегию и поставили перед министрами. «Какой у тебя словесный приказ от хана?» – спросили его министры; посланник отвечал: «Приказал мне хан донести царскому величеству, что из давних лет между российскими и хивинскими народами бывала любовь и торговля, но по некоторому случаю эта любовь и торговля пресеклись, и потому просит хан, чтоб прежняя любовь установилась и торговля умножилась». «Мы думаем, – сказали министры, – что в целом свете и ни в каком законе нет того, чтоб послов убивать; для чего вы посла царского величества князя Черкасского безвинно убили?» «Правда, что это сделано, – отвечал посланник, – однако он к нам приезжал не как посол, но как неприятель, построил город и в нем оставил с 8000 человек войска; потом к нам приехал и, не доезжая до Хивы за 15 дней, убит нашими войсками на бою, а остальные люди и до сих пор в Хивинской земле, и хан их всех желает отдать». «Хан твой, – говорили министры, – сам прежде присылал к царскому величеству с просьбою построить город для умножения торговли, а потом такому великому монарху сделал такую обиду, посла его невинно убил! Может быть, хан твой на тебя сердит и прислал тебя на жертву, чтоб здесь тебя повесили за князя Черкасского?» «Воля ваша, – отвечал посланник, – только хан прислал меня с объявлением, что желает быть в любви и отдать всех пленных».

Посланника заключили в крепость, где он скоро и умер. С одним из приехавших с ним хивинцев отправлена была к хану грамота за подписью канцлера и подканцлера с уведомлением о смерти посланника и с требованием отпустить всех пленных. В январе 1722 года вышел из Хивы пленный яицкий козак и рассказывал, что когда хану подана была грамота, то он топтал ее ногами и отдал играть молодым ребятам.

Говорили, что калмыцкий хан Аюка сносился с Хивой ко вреду России, которой власть он признавал. Казанскому губернатору было много дела с калмыками, этими последними представителями движения среднеазиатских кочевых орд на запад, в европейские пределы. Калмыки запоздали, натолкнулись на сильную Россию и волею-неволею должны были подчиниться ей. Подчиненность была шаткая. Казанский губернатор не раз съезжался в степи с Аюкою-ханом и со всеми его тайшами для постановления условий этой подчиненности. Аюка обещался служить верно великому государю и не откочевывать никуда от реки Волги; в случае неприятельского прихода к Астрахани, Тереку, Казани и Уфе по письму от губернатора посылать своих ратных людей с детьми своими, внучатами и другими тайшами и служить заодно с русскими людьми; не пускать своих калмыков на нагорную сторону Волги и ослушников отсылать в русские города головою. Царицынская линия – ров, охраняемый войсками между Волгой и Доном, – мешала калмыкам переброситься к Крыму и соединиться с татарами против России.

В 1715 году Аюка писал великому государю, что башкирцы, крымцы, кубанцы и каракалпаки ему неприятели и без помощи русских войск нельзя ему кочевать между Волгой и Яиком. Вследствие этого письма велено было постоянно находиться при Аюке стольнику Дмитрию Бахметеву с отрядом из 600 человек, из которых 300 регулярных и 300 иррегулярных (Козаков). Скоро калмыкам не понравилось присутствие Бахметева, и Аюка просил государя перевести его комендантом в Саратов с обязанностью охранять калмыков. Просьба была исполнена. Бахметев должен был, с одной стороны, охранять Аюку, а с другой – смотреть, чтоб хан и калмыки его с турецкими подданными не ссорились и без указа государева не входили с ними в мирные договоры, пересылок тайных и письменных не имели. Второе поручение выполнять было очень трудно: между кубанскими татарами и кабардинцами происходили войны, в которые втягивались и калмыки, особенно сын Аюки. Бахметев писал, что сам хан – «человек умный и рассудительный, а сын его, Чапдержап, другого состояния, но улусом и детьми люден». В этих войнах принимал участие известный уже нам товарищ Булавина Игошка Некрасов, бежавший на Кубань; в 1717 году некрасовцы и кубанцы были разбиты кабардинцами и калмыками, Некрасов был взят в плен, но чрез три дня отпущен. Аюка жаловался Бахметеву,

что над сыном своим Чапдержапом и другими тайшами не имеет воли: они бы и еще больше своевольничали, если б не знали, что царское величество к нему, хану, милостив и для его охранения прислал своих служилых людей. Чапдержап говорил посланцу Бахметева: «Бахметев не велит ходить на кубанцев, а кубанцы русских людей и калмыков разоряют, а мне русских людей и калмыков жаль и хочу кубанцев разорить без остатка; турецкого султана и крымского хана они мало и слушают; я рад хотя с собакою идти на кубанцев, а Бахметева и других никого слушать не буду, буду слушать указу царского величества, каков будет прислан за государевою подписью и печатью с денщиком, который бы мог между мною и кубанцами рассудить, за дело ли я с ними ссорюсь или нет».

Осенью 1723 года между калмыками произошла усобица. Чапдержап умер, оставивши несколько сыновей, из которых старший, Досанг, поссорился с младшим, Дундук-Даши, за то, что Досанг не хотел отпустить от себя младшего брата, хотел, чтоб тот кочевал при нем; Дундук-Даши уехал к деду Аюке с жалобою, но улусов его Досанг не отпустил от себя.

В это время у хана Аюки находился капитан. Беклемишев, заступивший место Бахметева. Аюка прислал сказать Беклемишеву, что Досанг, приехавший к нему, Аюке, для мировой, не дожидаясь суда ханского, поехал в свой улус, а сын его, Аюки, Черен-Дундук и внучата Дундук-Омбо и Дундук-Датли идут с войском воевать Досанга. Беклемишев велел отвечать, чтоб Аюка не допускал своих сыновей и внучат до войны, иначе навлечет на себя гнев императорского величества; пусть хан рассудит, что Досанг кочует близ Красного Яра и если переберется с улусами своими чрез Бузан к Астрахани, то императорские войска из этого города будут его охранять и воевать без императорского указа не допустят, потому что Досанг послал просить суда у его императорского величества, и всем им надобно просить суда у его же величества, а не самим друг с другом управляться. Этот ответ не понравился Аюке, и он прислал к Беклемишеву с выговором: «По указу его императорского величества велено тебе быть при мне, и охранять меня, и моих улусных людей в обиду никому не давать; а ты мне ни в чем не помогаешь, и я буду жаловаться на тебя его императорскому величеству». Беклемишев отвечал: «Я при тебе для донесения императорскому величеству о службе и верности твоей; если ты мне объявляешь о обидах твоим улусным людям от русских людей, то я пишу в города к командирам, которые дают суд и оборону; объяви, в чем мое неохрание и какие улусным людям твоим обиды?» «Не помогаешь ты мне в споре внучат моих, – велел сказать хан, – не требуешь из городов войск, которые прежде были при мне; и если б они теперь были с тобою при мне, то внучата мои, боясь их, волю мою исполняли бы». «Войска, назначенные для твоего охранения, – отвечал Беклемишев, – находятся в Астраханском гарнизоне, о чем к тебе писано в грамоте императорской, и если тебе надобны будут войска, то ты должен писать к астраханскому губернатору, причем и я писать буду; только теперь ниоткуда на тебя нападения нет, а если хочешь войск на внука своего Досанга, то послать их без указа императорского величества никто не может». После этого Аюка призвал к себе Беклемишева и говорил ему: «Требую вашего совета, что мне делать со внучатами?» «Надобно их удерживать от войны», – отвечал Беклемишев. «Они меня не послушаются», – сказал хан. «Если они вас не слушаются, – отвечал Беклемишев, – то надобно вам писать императорскому величеству, чтоб велел их развести, и в Астрахань писать, чтоб императорские войска до указа не допускали их биться». «Благодарен за совет, – сказал Аюка, – только я не надеюсь, чтоб астраханский губернатор пожелал мне добра, он держит сторону Досангову, потому что взял с него сто лошадей». Аюка написал, однако, в Астрахань, послал и к сыну своему, чтоб не ходил войною на Досанга, а к последнему просил съездить Беклемишева. Тот поехал и услышал от Досанга: «Я без императорского указа сам не нападу, а если на меня нападут, то противиться буду». Беклемишев писал Головкину: «Ссора Досанга с братом непременно окончилась бы, но хан Аюка не желает, чтоб внучата его, Чандержаповы дети, жили вместе, хочет он их развести и этим обессилить Досанга, а сделать сильнее всех сына своего Черен-Дундука; и хотя он мне объявлял, что желает примирения, но

делает это лукавством. По моему мнению, никак не надобно допускать Досанга до крайнего разорения; если его оставить и этим усилить Черен-Дундука, то последний будет в воле ханского внука Дундука-Омбо, который императорскому величеству очень неверен и весь крымской партии; и если мы Досанга в таком злом случае оставим, то уже никто из владельцев не будет иметь надежды на охранение от его величества».

В том же смысле писал императрице Екатерине и астраханский губернатор, известный Волынский: «Между Досангом и Дундук-Даши в медиацию вступил хан Аюка и по многим пересылкам и съездам так их помирил, что один другого ищут смерти, и уже оторвал от Досанга шестерых законных его братьев, тут же и Бату, которого силою к тому принудили, и все идут войною против Досанга, а он остался только с тремя братьями; против его ж, Досанга, идут и дети ханские, оба с ханскими войсками, с ними ж и внук ханский Дундук-Омбо с своими войсками. И так хан, сплетчи сие, прислал ко мне с объявлением о сей ссоре и что он сколько мог трудился и мирил, но не мог смирить их, что он за несчастье себе причитает, что его никто будто не слушает, а он опасен в том гневу его императорского величества и для того просит меня, чтоб я вступил между внучат его в медиацию и до войны б не допустил их, буде же кто меня не послушает и будет начинать войну, чтоб я с тем поступал, как с неприятелем; но сие, видится мне, только одна политика, и может быть, что хочет ведать, как с моей стороны к Досангу поступлено будет; а с другой стороны, говорил про меня хан, будто за секрет, с Васильем Беклемишевым, что я держу партию Досангову и взял с него себе сто лошадей, что, ежели правда, изволил бы его императорское величество приказать меня самого на сто частей рассечь; а не только брат, истинно о том и не слыхал, только в прошлом году Досанг прислал ко мне две лошади, и то истинно такие, что обе не стоят больше 10 рублей, из которых одна и теперь жива, на которой воду возят. Я чаю, что редкий так несчастлив, как я, и от своих, и от чужих за то, что не делаю по их волям; а хан Аюка, может быть, за то сердится, что я не плутую с ним вместе, и хотя ныне есть на меня гнев его императорского величества, однакож уповаю на бога, что со временем изволит его величество сам милостивейше усмотреть мою невинность; и хотя оный плевел и сеет на меня хан, однакож я, несмотря на сие, ведая мою чистую совесть, буду всеми мерами трудиться, чтоб Досанга до разорения не допустить, а для того ныне послал к нему по прошению его пять пуд пороху и пять пуд свинцу (и то сделал тайно от хана, о чем, чаю, и не проведают), понеже я смотрю на то, чтоб между ханом и Досангом баланс был, а ежели тот или другой из них придет в силу, тогда трудно иного будет по смерти Аюкиной учинить ханом. Итак, я принужден ныне ехать за Красный Яр в степь, где соединились Досанговы улусы, а для устрашения им взял 200 человек солдат да 50 человек драгун и 100 человек козаков донских».

В 50 верстах от Астрахани, на реке Берекете, калмыки Аюкины напали на Досанга: огненный и лучной бой продолжался с утра до третьего часа пополудни, когда на место битвы приехал Волынский и развел сражающихся. «В этой игрушке, – писал Волынский Головкину, – думаю, что с обеих сторон пропало около ста человек, а раненых и больше, в плен взяли Досанговы калмыки 14 человек, но у Досанга будет недочету около 6000 кибиток с лошадьми и скотом; я еще захватил кибиток с 2000 с женами и переправил через две реки к Красному Яру, а то бы и те совсем пропали – одним словом сказать, если б не ускорили наши несколькими часами, то здешних (калмыков) и духу небыло бы. Я думал, что эта ссора будет вредить нашему интересу, однако надеюсь, что по этому случаю многие сделаются христианами; у меня об этом уже говорено, и надеюсь убедить кого-нибудь из Чапдержаповых детей, а дела их можно поправить со временем без всякого труда». В феврале 1724 года умер Аюка, и в мае Петр послал приказание Волынскому ехать в калмыцкие улусы и на место Аюки определить в ханы из калмыцких владельцев Доржу Назарова, у которого в 1722 году взят реверс, что когда он будет определен в ханы, то даст в аманаты сына своего; чтоб этот реверс теперь Доржа подтвердил и сына своего в аманаты отдал; если же калмыцкие владельцы не захотят выбрать его, Доржу. в ханы,

то склонять их к тому ласкою и подарками; если же и это не поможет, то действовать против них войском, как против неприятелей. Волынский отправился в Саратов, откуда в конце июля писал Остерману: «Дело мое зело непорядочно идет, и по се время нималого основания не могу сделать, понеже калмыки все в разноте и великая ныне между ними конфузия, так что сами не знают, что делают, и что день, то новое, но ни на чем утвердиться невозможно, и верить никому нельзя, кроме главного их Шахур-ламы да Ямана, которые, видится, в своем обещании в верности постоянны, только перед другими малолюдны; и затем и на лучшего Доржу Назарова, как вижу по всем его поступкам, худая надежда, и по се время не мог его видеть: всегда отговаривается каракалпаками, что ему будто оставить улусов нельзя, а мне к нему ехать невозможно затем, что прочие все и паче подозрительны будут. Сего моменту Шахур-лама и Яман прислали ко мне с тем, что ханская жена сына своего Черен-Дундука склонила в партию к Дундук-Омбе, и Дундук-Омбо намерен разорять улусы их и, соединяя с ханскою женою, итить сильно чрез линию, хотя в том войска наши и препятствовать будут; и уже Шахур-лама и Яман идут с улусами своими для охранения сюда, к Саратову. И хотя может быть, что чрез линию бригадир Шамардин и не перепустит, но когда легкие будут маячить против линии, а прочие станут перебираться Волгу, то как возможно и кем удержать их? Посланы от меня к Дундук-Омбе и к Дундук-Даши астраханский дворянин, а к ханской жене и Черен-Дундуку – саратовский, через которых, как мог, обнадеживал, а что сделается – не знаю. Дай боже, чтоб сие их намерение отменилось, как уже много того было; но ежели не склонятся ныне, а будет время приближаться к зиме, то что им будет иное делать, кроме того, что куда-нибудь будут способы искать, а Волга им всего легче! Того ради, государь мой, прошу вас показать ко мне милость, чтоб повелено было нескольким полкам драгунским из команды князя Михайла Михайловича (Голицына) стать на Дону, а бригадир Шамардин чтоб содержал линию, также и по Волге занял пасы; и хотя, государь мой, и уничтожено известное мое доношение о пехотных батальонах, а под нынешний случай если б было здесь близко, то б великая была из того польза, понеже такую дикую бестию, кроме страха и силы, ничем успокоить невозможно. Сколько дел, государь мой, Я не имел, но такого бешеного еще не видал, отчего в великой печали; покорно прошу вас, государя моего, милостиво меня не оставить в такой моей напасти по твоему обещанию, как я по древней вашей, государя моего, дружбе вашу ко мне милостию обнадежен».

В урочище Узени Доржа Назаров разбил наголову напавших на него каракалпаков, киргизов и башкирцев и в знак своей победы прислал Волынскому в подарок 415 ушей человеческих. Между тем у дикой бестии продолжалась прежняя конфузия: Черен-Дундук надеялся быть ханом, но имел против себя родную мать Дарма-Балу, которая сильно интриговала, манила и Держу Назарова, и Досанга, и больше всего внука мужа своего, Аюки, Дундука-Омбо. Последний мучил всеми улусами и заставил всех присягнуть в послушании ханской жене. Черен-Дундук долго противился присяге, представляя, что она ему мать, которую он и без присяги должен почитать и слушать, наконец присягнул на таком условии, что будет исполнять приказания своей матери, если они не будут противны воле императора. Волынскому давали знать из улусов, что Дундук-Омбо с другими владельцами-родичами уговаривались бежать и отдаться под покровительство крымского хана, но, узнав, что на Дону переправы заняты русскими войсками, приняли намерение прорваться через линию, надеясь, что русские войска не в состоянии растянуться по ней; для этого приготовили на каждого человека по лопатке и хотят, пришедши к линии, биться с русскими войсками, а между тем жены их и дети будут бросать кибиточные войлоки в ров и засыпать землею с вала. Если и это не удастся, то намерены пересылками с Волынским тянуть время, пока Дон замерзнет, и тогда они убегут в Крым. Дарма-Бала, Черен-Дундук и Дундук-Омбо с другими владельцами присягнули друг другу жить и умереть вместе и отправили на Кубань к Бахты-Гирею султану послов с просьбою, чтоб приходил с кубанскими войсками на линию к ним на помощь. Дундук-Омбо прислал сказать начальствующему на линии бригадиру Шамардину: «Если теперь нам за линию или за Волгу

идти не позволишь, то разве нам, калмыкам, и скотине нашей помереть, потому что заперты в такой тесноте, что ни хлеба и ничего другого нет». Вольнский писал Остерману: «Покорно вас прошу по милости своей меня охранить, что я не часто пишу, понеже опасен, не разведав подлинно, доносить, а вскоре разведать и узнать ложь с правдою зело трудно, понеже сия бес-тия бродят в рознице все. И так не хочется в дураках остаться; да то б еще и ничто, только боюсь, чтоб не прияли в иной образ и не подумали, что я стращаю; а ныне я всякого дурака счастливее почитаю, понеже они легче могут ответ дать. Также покорно прошу и в том меня охранить, что я намерен объявить наместничество ханскому сыну Черен-Дундуку, если того крайняя нужда требовать будет, а чаю, без того и обойтись нельзя; понеже и без того над здешними власть ханская худая будет; а еще либо и то случится, что одним другого при случае и потравить можно».

1 сентября 1724 года Вольнский съехался с Доржею Назаровым на луговой стороне и спросил его, хочет ли он быть ханом, как ему обещано в 1722 году: Доржа отвечал: «Кто б не желал себе такого великого счастья, и я воле его величества не противен; но как это делается – не знаю и не надеюсь, потому что по смерти хана Аюки по линии должно быть ханом сыну его Черен-Дундуку или ближним их фамилий, Дундуку-Омбо или Досангу, а я хотя и той же фамилии, но дальше их: итак, если я буду ханом, то они мне послушны не будут, а когда не будут слушать, то какой я хан буду? Если кто из них сделает какую неприятность, то императорское величество изволит на мне взыскивать, а мне их удержать нельзя, потому что перед ними всеми я бессилен». *Вольнский*: «Будь только верен, а в том не сомневайся, что на тебе будут взыскивать всякие неприятности, сделанные против твоей воли; слушаться тебя будут, потому что когда объявлен будешь ханом, то все владельцы должны будут тебе присягать, а кто станет противиться, того можно и войсками принудить; императорским указом тебя велено оборонять». *Доржа*: «Все это хорошо, и я очень благодарен за такую высокую милость; но знай, что владельцы нагорной стороны все этому противны; для виду они признают меня ханом, но только все разбегутся кто куда знает да еще мои улусы разорят и самого меня убьют; известно, какой своевольный и бесстрашный народ калмыки». *Вольнский*: «Уйти им нельзя, войска наши заступили все дороги; до разорения твоих улусов мы их не допустим». *Доржа*: «Пока ты будешь, – может быть, они меня и не обидят; но тебе не всегда со мною быть». *Вольнский*: «Нарочно для тебя буду зимовать в Царицыне и буду держать при тебе донских козаков тысячи две, пока все успокоится; лучше тебе прикочевать поближе к Царицыну, чтоб удобнее тебя защищать; но скажи, в ком ты больше всего сомневаешься?» *Доржа*: «Поближе к Царицыну можно прикочевать; но и пятью тысячами козаков всех улусов не закрыть, и войска ваши пропадут, и я пропаду, а сомневаюсь я во всех равно». *Вольнский*: «Ты опасешься Черен-Дундука и его матери Дарма-Балы; нельзя ли так сделать: Черен-Дундука объявить наместником ханским, чтоб все владельцы нагорной стороны были ему послушны, а он тебе, а на матери его ты женись». Доржа согласился, хотя сначала отговаривался от женитьбы, представляя старость ханши, которую он почитает, как мать. Вольнский думал, что дело улажено, потребовал, чтоб Доржа по прежнему обещанию отдал сына своего в аманаты; калмык отвечал: «Лучше тогда мне сына своего отдать, когда ханом сделан буду; а теперь прежде времени, ничего не видав, как можно мне сына своего отдать? Сына лишусь, а ханом быть не допустят другие владельцы, и хотя буду назван ханом, а никто слушаться не будет, то что в моем ханстве?» *Вольнский*: «Пока не возьму от тебя сына, ханом тебя объявлять не буду; не теряй напрасно времени, говори прямо: дашь или не дашь?» *Доржа*: «Один не могу отдать; буду советоваться с женою и с большим сыном». С этим и расстались. И через несколько дней Доржа дал знать, что сына не отдаст и ханом быть не хочет, после чего откочевал в степь к Яику.

Приехал Шахур-лама, и Вольнский стал с ним советоваться насчет Черен-Дундука. Лама говорил: «По нынешним поступкам Черен-Дундука можно надеяться, что и впредь императорскому величеству будет верен и никуда не уйдет; простые калмыки с Волгою, Яиком и Доном ни

за что расстаться не хотят и всякого владельца, который бы захотел уйти, конечно, одного оставят; а если Черен-Дундук задумает что-нибудь недоброе, то я донесу, тогда его и переменить можно будет». После этого разговора Волынский поехал к ханше и объявил, что император повелел до указа объявить сына ее Черен-Дундука ханским наместником; он должен принести присягу и дать реверс за своею подписью. Ханша рассмеялась и, обратясь к своим, сказала: «Ничего не видя, уже велют подписываться!» «А где императорская грамота?» – спросила она, обратясь к Волынскому. Тот отвечал: «Грамота отдана будет после; я приехал теперь только изъяснить вам свое почтение». «Пришли ко мне грамоту императорскую, – сказала ханша, – что нам можно сделать, в том мы послушаемся, а чего нельзя и почему нельзя, о том будем писать императору, и получа указ, будем по нему поступать, а без того детей своих приводить к присяге не стану. Кто из нас, ты или я, честнее и к кому государь и государыня милостивее?» «Я прислан его величеством не честью считаться, а об ваших делах говорить», – отвечал Волынский и, возвратясь домой, сочинил требуемую грамоту и отослал к ханше.

«Я ныне принужден, – писал Волынский Остерману, – объявлять наместничество впредь до указа Аюкину сыну Черен-Дундуку, понеже необходимая нужда того требует для того, что Дундук-Омбо всячески трудится, чтоб никому ханом не быть, и ханскую жену так наострил, что она не только иного, ни сына своего допустить не хочет, причитая себе и то за обиду, и если наместничеством Черен-Дундука от него Дундук-Омбы не оторвать, то от них и впредь, кроме противности, никакой пользы надеяться невозможно. Хотя знатные калмыки доброжелательные равно почитают его и Досанга, что и самая правда, понеже они оба и глупы и пьяны, а Черен-Дундук видится еще поглупее, он же и с эпилепсиею; однако улусами своими мало не вдвое сильнее Досанга, а к тому ж много при нем и людей умных и добрых, в том числе и Шахур-лама, который к его императорскому величеству является зело усерден и многие в том прямые пробы показал, а в калмыцком народе он сильнее всякого хана, и все его так содержат, как бы уже святого; и другие есть такие, кому можно поверить и с ними все делать, понеже у них знатные Зайсанги в народе больше имеют силу, нежели их владельцы, а владельцы без общего согласия ни один, кроме Дундук-Омбы, собою ничего делать не может, что никогда и Аюка не делывал, а что хотел, то все делывал через своих креатур, которые как надуют народу в пустые головы, так и делается; а в Досанговых улусах дельный один Билютка, и тот только на свой интерес, а впрочем, трудно поверить, и если его императорское величество изволит пожаловать Досанга главным, то, конечно, наделает Билютка между ими столько пакостей, что потом трудно и разобрать будет».

16 сентября приехал к Волынскому Черен-Дундук с родственниками и знатными калмыками. Губернатор объявил ему, что если он желает быть наместником ханским, то должен присягнуть: 1) служить императорскому величеству верно и все чинить по его указам; 2) противности никакой не чинить и прочих владельцев к тому не допускать, а за кем какое зло уведомит, о том заблаговременно доносить; 3) с неприятелями императорского величества никакого дружелюбия не иметь и с чужестранными без указа пересылок не иметь; 4) суд и справедливость чинить надлежащую, никого до разорения не допускать, кражи и воровства всеми мерами искоренять и в том никого не жалеть; 5) татар никаких в своих улусах не держать и прочих владельцев до того не допускать. Черен-Дундук начал говорить: «Если императорское величество будет жаловать так, как и отца моего хана Аюку, то я без присяги буду служить ему верно». «Так с государем договариваться нельзя, – отвечал Волынский, – надобно тебе служить верно, и когда его величество изволит увидеть твою верность и службы, тогда в высокой его милости оставлен не будешь». Калмыки всего сильнее стояли против пункта, запрещавшего им ссориться с чужими народами без позволения русского правительства, наконец согласились, и 19 числа Черен-Дундук присягнул, а на другой день последовало торжественное объявление его ханским наместником. Тут же Досанг помирился с родственниками и на радостях пил вместе с Черен-Дундуком целые сутки.

Черен-Дундук был доволен; но не была довольна его мать. Дарма-Бала приехала к сыну и стала ему выговаривать, для чего он бежал от ее стороны, держит сторону Досанга и слушается Волынского; расплакалась, драла себе лицо и волосы и, выдрав несколько волос, бросила их на Черен-Дундука, приговаривая, что эти выдранные волосы по смерти взыщутся на нем. Волынскому дали знать, что Дарма-Бала, Дундук-Омбо, Доржа Назаров и другие калмыцкие владельцы намерены весною будущего, 1725 года откочевать к независимым от России калмыкам; Дарма-Бала уговаривает к тому же и Черен-Дундука, но он не соглашается. Шахур-лама жаловался Волынскому, что он был миротворцем между Досангом и его родственниками, но вместо благодарности обе стороны на него сердятся. «Теперь, – говорил лама, – все владельцы у нас люди молодые, не знают над собою страха и уклонились в непостоянство; станешь их успокаивать, а они за это сердятся; если ты их не уймешь, то будешь виноват в послаблении». Волынский отвечал: «Ты у них главная духовная персона; если ты их не успокоишь, то мне как это сделать? Тут нечего делать, когда ваши владельцы любят воровство и ложь; кто вор и разбойник, того называют добрым человеком и воином, а лжеца умным; при этом как вашему народу быть спокойну?» «Сущая правда, – сказал Шахур-лама, – теперь в нашем народе завелся кабардинский обычай, и со временем калмыки будут такие же кровомстители, как и настоящие кабардинцы, и для этого калмыкам надобно заблаговременно просить императора, чтоб велел их привести в доброй порядок и возмутителей смирить; но об этом мне, как монаху, просить неприлично». Нуждаясь в помощи Шахур-ламы, Волынский боялся сильно действовать для распространения христианства между калмыками, как от него требовал Сенат. Сенат приказывал объявить Досангу, что ему не отдадут взятых у него родственниками улусов до тех пор, пока он не примет христианства. Волынский отвечал: «Хотя буду трудиться и склонять его, но если он не захочет, то никакими мерами нельзя его улусов удержать». Об этом доложили в Сенате самому государю и Петр, подписал «отдать каждому свое». Сенат прибавил: что если Досанг захочет креститься, то его крестить, а если не захочет, то не принуждать и улусы отдать без задержания, к крещению же склонять его ласкою, а не принуждением.

Такие хлопоты доставляла Средняя, степная Азия новой империи в лице своих представителей, калмыков, которым нравились привольные кочевья между Волгой, Яиком и Доном, но не нравилось то, что за эти приволья они должны были платить свободою: европейское государство наложило на них свою руку, и, чтоб высвободиться из-под этой руки, калмыцкие владельцы рвались к своим или на восток, к независимым от России калмыкам, или на запад, к Крыму. Важное значение для них в этом отношении имела Кубанская Орда, и русское правительство должно было зорко смотреть на нее: отсюда ждали помощи недовольные калмыки, сюда бежали с Дону казаки, которым не удалось отстоять свою волю от Москвы. Во время Турецкой войны 1711 года нужно было сдерживать кубанцев, и в их землю предпринимал удачный поход казанский и астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин: он опустошил страну и разбил татар, возвращавшихся с большим полонем из Саратовского и Пензенского уездов: 2000 русских людей получили свободу. Мир с Турцией, строго соблюдаемый с русской стороны, не сдерживал кубанцев – номинальных подданных султана. В 1717 году кубанский владелец Бахты-Гирей напал на Пензенский уезд и побрал в плен несколько тысяч народа. Отношения к Кубани, важные для безопасности юго-восточной Украины, заставляли обращать внимание на Кабарду, народонаселение которой находилось в постоянной вражде с кубанцами. Мы видели, что еще с XVI века, когда русские границы достигли устьев Волги через покорение Астрахани, Россия волею-неволею должна была вмешиваться в дела кавказских народов. Интересы трех больших государств – России, Турции и Персии – сталкивались на перешейке между Черным и Каспийским морями среди варварского, раздробленного, порозненного в вереве народонаселения, части которого находились в постоянной борьбе друг с другом. Россия, призываемая на помощь христианским народонаселением, не могла позволить усилиться здесь магометанскому влиянию, особенно турецкому; а теперь, в эпоху преобразования, имевшую

целью развитие промышленных сил народа, к интересам религиозным и политическим присоединился интерес торговый, стремление обеспечить русскую торговлю в стране, издавна обогащавшей купцов московских.

Турецкая война 1711 года и после постоянный страх перед ее возобновлением должны были обращать внимание Петра на Кавказский перешеек. Кубанской Орде хотели противопоставить Кбарду, и с этой целью в 1711 году отправился туда князь Александр Бекович-Черкасский, который уведомил Петра, что черкесские владельцы, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить великому государю всею Кабардой. «По этому уверению, – писал Черкасский, – я их к присяге привел по их вере». Турки действовали с своей стороны. В 1714 году тот же Черкасский дал знать, что посланцы крымского хана склоняют в турецкое подданство вольных князей, владеющих близ гор между Черным и Каспийским морями, обещая им ежегодное жалованье. В Большой Кабарде ханские посланцы не имели успеха, но князья кумыцкие прельстились их обещаниями, вследствие чего встало волнение в стране. Черкасский писал, что турки намерены соединить под свою власть все кавказские народы вплоть до персидской границы: «И ежели оное турецкое намерение исполнится, то, когда война случится, могут немалую силу показать, понеже оный народ лучший в войне, кроме регулярного войска. Ежели ваше величество соизволите, чтоб оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под область свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться; а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой в превращении их не будет, понеже народ там вольный есть и никому иному не присутствует, но паче вам есть причиненный: наперед сего из тех кумыцких владельцев шевкалов в подданство для верности вашему величеству и детей своих в аманаты давывали; токмо незнанием или неискусством воевод ваших сей интерес государственный по се время оставлен. И ежели, ваше величество, соизволите приклонить тех народов пригорных под свою область, немалый страх будет в Персиде во всей, и могут во всем вашей воли последовать».

Черкасский отправился в Хиву, и мы видели печальный конец его там. В сношениях с народами Кавказского перешейка явился другой, более искусный и счастливый деятель – Артемий Петрович Волинский.

В 1715 году Волинский отправлен был посланником в Персию, чтоб быть при шахе впрямь до указа на резиденции. Он получил инструкцию: едучи по владениям шаха персидского как морем, так и сухим путем, все места, пристани, города и прочие поселения и положения мест, и какие где в море Каспийское реки большие впадают, *и до которых мест по оным рекам можно ехать от моря, и нет ли какой реки из Индии, которая б впала в сие море*, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие, також какие крепости и фортеции – присматривать прилежно и искусно проведывать о том, *а особливо про Гилянъ и какие горы и непроходимые места, кроме одного нужного пути (как сказывают), отделили Гилянъ и прочие провинции по Каспийскому морю, лежащие от Персиды*, однакож так, чтобы того не признали персияне, и делать о том секретно журнал повседневный, описывая все подлинно. Будучи ему в Персии, присматривать и разведывать, сколько у шаха крепостей и войска и в каком порядке и не вводят ли европейских обычаев в войне? Какое шах обхождение имеет с турками, и нет ли у персов намерения начать войну с турками, и не желают ли против них с кем в союз вступить? Внушать, что турки – главные неприятели Персидскому государству и народу и самые опасные соседи всем и царское величество желает содержать с шахом добрую соседскую приязнь. Смотреть, каким способом в тех краях купечество российских поданных размножить и нельзя ли через Персию учинить купечество в Индию. Склонять шаха, чтоб повелено было армянам весь свой торг шелком-сырцом обратить проездом в Российское государство, предьявляя удобство водяного пути до самого С. – Петербурга, вместо того что они принуждены возить свои товары в турецкие области на верблюдах, *и буде невозможно то словами и домогательством сделать, то нельзя ли дачею шаховым ближним людям; буде и*

сим нельзя будет учинить, не мочно ль препятствия какова учинить Смирнскому и Алепскому торгам, где и как? Разведывать об армянском народе, много ли его и в которых местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов, и каковы они к стороне царского величества, обходиться с ними ласково и склонять к приязни; также осведомиться, нет ли каких иных в тех странах христианских или иноверных с персами народов и, ежели есть, каковы оные состоянием?

В марте 1717 года Волынский приехал в Испагань, претерпевши на дороге большие трудности и неприятности. «Уже меня редкая беда миновала», – писал он канцлеру. В Испагани сначала он был принят не дурно, но через несколько дней, не объявляя ничего, заперли его в доме, приставили такой крепкий караул, что пресекли всякое сообщение, и это продолжалось полтора месяца, а когда узнали о прошлогоднем приходе князя Черкасского на восточный берег Каспийского моря и о строении крепостей, то заперли еще крепче; пошли слухи, что несколько тысяч русского войска впало в Гилян и что множество калмыков находится около Терека. Три раза Волынский был у шаха Гуссейна, имел несколько конференций с визирем; с персидской стороны соглашались на все предложения посланника и вдруг позвали его на последнюю аудиенцию и объявили отпуск. Все представления Волынского остались тщетными; он возражал, что не может ехать, не окончив дел; ему отвечали, что дела будут кончены по его желанию, только бы теперь взял шаху грамоту к царю. «Этому трудно верить, – писал Волынский, – ибо здесь такая ныне глава, что он не над подданными, но у своих подданных подданный, и, чаю, редко такого дурачка можно сыскать и между простых, не токмо коронованных; того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего наместника Ехтма-Девлета, который всякого скота глупее, однако у него такой фаворит, что шах у него изо рта смотрит и что велит, то делает. Того ради здесь мало поминается и имя шахово, только его, прочие же все, которые при шахе ни были поумнее, тех всех изогнал, и ныне, кроме его, почти никого нет, и так делает, что хочет, и такой дурак, что ни дачею, ни дружбою, ни рассуждением подойти невозможно, как уже я пробовал всякими способами, однако же не помогло ничто. Как я слышал, они так в консилие положили, что меня здесь долго не держать того ради, чтоб не узнал я состояния их государства; но хотя б еще и десять лет жить, больше уже не о чем проведывать, и смотреть нечего, и дел никаких не сделать, ибо они не знают, что такое дела и как их делать, притом ленивы, о деле же ни одного часа не хотят говорить; и не только посторонние, но и свои дела идут у них беспутно, как попало на ум, так и делают безо всякого рассуждения; от этого так свое государство разорили, что, думаю, и Александр Великий в бытность свою не мог войною так разорить. Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом; не только от неприятелей, и от своих бунтовщиков оборониться не могут, и уже мало мест осталось, где бы не было бунта; один от другого все пропадают, а тут и я с ними не знаю за что пропадаю; не пьянством, не излишеством, но самую нищетою нажил на себя по сие время четырнадцать тысяч долгу. Думаю, меня бог определил на погибель, потому что и сюда с великим страхом ехал, а отсюда еще будет труднее по здешнему бесстрашию. Поеду через Гилян, хотя там теперь и моровое поветрие, поеду, чтоб тот край видеть. Другого моим слабым разумом я не рассудил, кроме того, что бог ведет к падению сию корону, на что своим безумством они нас влекут сами; не дивлюсь, видя их глупость, думаю, что это божия воля к счастью царскому величеству; хотя настоящая война наша (шведская) нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно, к чему удобнее нынешнего времени не будет, ибо если впредь сие государство обновится другим шахом, то, может быть, и порядок другой будет».

Волынский выехал из Испагани 1 сентября 1717 года, заключив перед отъездом договор, по которому русские купцы получили право свободной торговли по всей Персии, право

покупать шелк-сырец повсюду, где захотят и сколько захотят. Посланник зимовал в Шемахе и здесь имел досуг еще лучше изучить состояние Персидского государства и характер его народонаселения. Сознание своей слабости наводило сильный страх перед могущественною Россиею, ждали неминуемой войны и верили всяким слухам о сосредоточении русских войск на границах. В начале 1718 года в Шемахе с ужасом рассказывали друг другу, что в Астрахань царь прислал 10 бояр с 80000 регулярного войска, что при Тереке зимует несколько сот кораблей. Шемахинский хан пользовался этими слухами, чтоб не выходить с войском на помощь шаху, и когда Волынский замечал, что хан может поплатиться за это, то ему отвечали: «Хану ничего не будет, у нас никому наказанья нет, и потому всякий делает, что хочет: когда нет страха, чего бояться?» ВШемаху приехал к Волынскому грузинец Форседан-бек, с которым посланник видался и в Испагани. Этот Форседан-бек служил у грузинского князя Вахтанга Леоновича, который по принятии магометанства сделан был главным начальником персидских войск. Вахтанг прислал Форседан-бека с просьбою к Волынскому, чтоб тот благодарил царя за милости, оказанные в России его родственникам, и просил, чтоб православная церковь не предала его, Вахтанга, проклятию за отступничество: он отвергся Христа не для славы мира сего, не для богатства тленного, но только для того, чтоб освободить семейство свое из заключения, и хотя он принял мерзкий закон магометанский, но в сердце останется всегда христианином и надеется опять обратиться в христианство с помощью царского величества. «Пора, – говорил Форседан, – государственные дела делать, пиши через меня к Вахтангу, как ему поступать с персиянами, а если ты пробудешь здесь, в Шемахе, до осени, то Вахтанг к этому времени совсем управится». Форседан говорил так, как будто Волынский прислан воевать с персиянами. Посланник заметил ему: «Я прислан не для войны, а для мира; я был бы совершенно сумасбродный человек, если б стал воевать, имея при себе один свой двор». «В Персии не так думают, – отвечал Форседан, – говорят, что ты и город здесь, в Шемахе, себе строишь». В это время в Шемахе узнали, что отправленный Волынским в Россию для доставления государю слона дворянин Лопухин едва спасся от напавших на него лезгинцев, и Форседан говорил по этому случаю Волынскому: «Конечно, царское величество не оставит отомстить горским владетелям за такую пакость; надобно покончить с этими бездельниками, пора христианам побеждать басурман и искоренить их». Форседан говорил, что шах своим войскам денег не платит, отчего они служить не будут, а узбекскому хану послал в подарок 20000 рублей на русские деньги за то, что узбеки или хивинцы убили князя Александра Бековича-Черкасского. Волынский взял письмо от Вахтанга для доставления тетке его, царице имеретийской, жившей в России, но сам остерегался войти в письменные сношения с главнокомандующим персидскою армиею.

Как видно, были люди, выставлявшие на вид неуспешность действия Волынского в Персии; по возвращении в Россию в начале 1719 года Артемий Петрович счел нужным написать известное уже нам письмо к Макарову с просьбою донести государю и государыне о его разорении, десперации, одинокости и пустоте, злой ненависти и брани к нему от многих. Брань многих не имела, однако, следствий, и в том же году Волынский был сделан астраханским губернатором. 22 марта 1720 года новому губернатору Петр дал наказ в следующих пунктах: 1) чтоб принца грузинского искать, склонить, так чтоб он в потребное время был надежен нам, и для сей посылки взять из грузинцев дому Арчилова. 2) Архиерея для всяких там случаев, чтоб посвятить донского архимандрита. 3) Офицера выбрать, чтоб, или туды, или назад едучи сухим путем от Шемахи, верно осмотрел путь, удобен ли. Также живучи в Шемахе, будто для торговых дел (как положено с персы), всего присматривать. 4) Чтоб неудобный путь из Терека до Учи сыскать, как миновать, и буде нельзя землею, чтоб морем, для чего там надобно при море сделать крепость и помалу строить магазейны, амбары и прочее, дабы в удобном случае за тем не было остановки. 5) Суды наскоро делать, прямые, морские, и прочее все, что надлежит к тому, помалу под рукою готовить, дабы в случае ни за чем остановки не было, однакож все в

великом секрете держать. В сентябре того же года отправлен был в Персию капитан Алексей Баскаков с наказом: «Ехать в Астрахань и оттуда в Персию, под каким видом будет удобнее, и поступать таким образом: 1) ехать от Терека сухим путем до Шемахи для осмотра пути: удобен ли для прохода войска водами, кормами конскими и прочим? 2) От Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотреть того же, осведомиться также и о реке Куре. 3) О состоянии тамошнем и о прочих обстоятельствах насматриваться и наведываться и все это делать в высшем секрете».

В 1721 году Волынский ездил в Петербург; неизвестно, был ли он вызван или сам приехал, узнавши о возможности прекращения Северной войны и, следовательно, о возможности начать войну персидскую. Как видно, он возвратился из Петербурга в ожидании скорой южной войны и приезда царского в Астрахань, потому что 23 июня писал царице Екатерине: «Вашему величеству всепокорно доношу. В Астрахань я прибыл, которую вижу пусту и совсем разорену поистине так, что хотя бы и нарочно разорять, то б больше сего невозможно. Первое, крепость здешняя во многих местах развалилась и худа вся; в полках здешних, в пяти, ружья только с 2000 фузей с небольшим годных, а прочее никуда не годится; а мундиру как на драгунах, так и на солдатах, кроме одного полку, ни на одном нет, и ходят иные в балахонах, которых не дано лет более десяти, а вычтено у них на мундир с 34000 рублей, которые в Казани и пропали; а провианту нашел я только с 300 четвертей. Итак, всемилостивейшая государыня, одним словом донести, и знаку того нет, как надлежит быть пограничным крепостям, и, на что ни смотрю, за все видимая беда мне, которой и миновать невозможно, ибо ни в три года нельзя привести в добрый порядок; а куда о чем отсюда написано, ниоткуда никакой резолюции нет, и уже поистине, всемилостивая мать, не знаю, что и делать, понеже вижу, что все останутся в стороне, а мне одному, бедному, ответственность будет. Не прогневайся, всемилостивейшая государыня, на меня, раба вашего, что я умедлил присылкою к вашему величеству арапа с арапкою и с арапчонкою, понеже арапка беременна, которая, чаю, по дву или по трех неделях родит, того ради боялся послать, чтоб в дороге не повредилась, а когда освободится от бремени и от болезни, немедленно со всем заводом отправим к вашему величеству».

Обезопасив себя этим письмом насчет могущих быть упреков в дурном состоянии вверенного ему города, Волынский продолжал писать Петру о необходимости действовать в Персии и на Кавказе вооруженною рукою, а не политикою. Как видно, в Петербурге внушено было Волынскому, что до окончания шведской войны трудно начать непосредственно войну персидскую, но что он может ускорить распадение Персии поднятием зависевших от нее народов кавказских; 15 августа Волынский писал царю: «Грузинский принц (Вахтанг) прислал ко мне и к сестре своей с тем, чтоб мы обще просили о нем ваше величество, дабы вы изволили учинить с ним милость для избавления общего их христианства, и показывает к тому способ: 1) чтоб ваше величество изволили к нему прямо в Грузию ввести войск своих тысяч пять или шесть и повелели засечь в его гарнизоны, объявляя, что он видит в Грузии несогласие между шляхетством; а ежели войска ваши введены будут в Грузию, то уже и поневоле принуждены будут многие его партию взять. 2) Чтоб для лучшего ему уверения изволили сделать десант в Персию тысячах в десяти или больше, чтоб отобрать у них Дербент или Шемаху, а без того вступить в войну опасен. 3) Просил, чтоб изволили сделать крепость на реке Тереке между Кабарды и гребенских козаков и посадить русский гарнизон для свободной с Грузиею коммуникации и для его охранения. И как видится, государь, по моему слабому мнению, все его предполагаемые резоны не бессильны. Вахтанг представляет о слабом нынешнем состоянии персидском, и какая будет вам собственная из оной войны польза, и как персияне оружию вашему противиться не могут; ежели вы изволите против шаха в войну вступить, он, Вахтанг, может поставить в поле своих войск от 30 до 40000 и обещается пройти до самой Гиспагани, ибо он персиян бабами называет».

Считая резоны одного грузинского принца небессильными, Волынский не советовал сближаться с владельцами других иноверных народов Кавказа и указывал на оружие как на единственное средство держать их в страхе и подчинении русским интересам. О владельце тарковском шевкале Алдигирее Волынский писал Петру: «На него невозможно никакой надежды иметь вам, ибо весьма в стороне шаховой; вижу по всем делам его, что он плут, и потому зело опасно ему ваше намерение открывать, чтоб он прежде времени не дал о том знать двору шахову, и для того я не намерен иметь с ним конгресс, как ваше величество мне повелели. И мне мнится, здешние народы привлечь политикою к стороне вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет, ибо хотя и являются склонны, но только для одних денег, которых (народов), по моему слабому мнению, надобно бы так содержать, чтоб без причины только их не озлоблять, а верить никому невозможно. Также кажется мне, и Дауд-бек (лезгинский владелец) ни к чему не потребен, он отвечает мне, что, конечно, желает служить вашему величеству, однакож чтоб вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он отберет города у персиян, и которые ему удобны, то себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а прочие уступает вашему величеству, кои по той стороне Куры-реки до самой Испагани, чего в руках его никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваш был труд, а его польза».

Прежде местность Ендери, слывшая у русских под именем Андреевой деревни, и Аксай принадлежали Таркам; но один из шевкалов тарковских поделил их между своими сыновьями, и в описываемое время в Андреевой деревне было семь владельцев, отличавшихся разбойничьим характером; народонаселение состояло из помеси разных соседних народцев, в том числе были и русские козаки, бежавшие сюда после неудачи Булавинского бунта. «Мне мнится, – писал Волынский, – весьма бы надобно учинить отмщение андреевским владельцам, отчего великая польза: 1) они не будут иметь посмеяния над нами и впредь смирнее жить будут; 2) она причина принудит многих искать протекции вашей, и все тамошние народы будут оружия вашего трепетать и за тем страхом вернее будут. Однакож, видится, ныне к тому уже прошло время, идти туда не с кем и не с чем. Надеялся я на Аюкая-хана (калмыцкого), однако ж от него ничего нет, ибо, как вижу, худа его зело стала власть. Також многократно писал я к яицким и к донским козакам, но яицкие не пошли, а донские хотя и были, токмо иного ничего не сделали, кроме пакости оставя прямых неприятелей, андреевских владельцев, разбили улус ногайского владельца султана Махмута, зело вашему величеству потребного, которого весьма озлобили; потом пошли в Кабарду по призыву Араслан-бека и князей Александровых братьев (Александра Бековича-Черкасского), понеже у них две партии, и тако у противной разбили несколько деревень, также и скот отогнали, чем больше привели их между собою в ссору, и, в том их оставя, а себя не богаты, возвратились на Дон». Волынский по обыкновению своему не пропускал случая писать и к царице Екатерине, все выставляя свою неутомимую деятельность, свое трудное, беспомощное положение. Так, писал он к ней от 15 августа: «Всепопданнейше прошу ваше величество показать ко мне, рабу вашему, высокую милость предстательством всемилостивейшему государю, дабы мне повелено было по возвращении моем из Терека быть в будущей зиме ко двору вашего величества, а поистине к тому не так влечет меня собственная нужда, как дела ваши того требуют, ибо надобно везде самому быть, а без того, вижу, ничто не делается; если же впредь ко взысканию, то, чаю, одному мне оставаться будет. Ношу честь паче меры и достоинства моего, однакож клянусь богом, что со слезами здесь бедную жизнь мою продолжаю, так что иногда животу моему не рад, понеже, что ни есть здесь, все разорено и опущено, а исправить невозможно, ибо в руках ничего нет, к тому ж наслал на меня бог таких диких соседей, которых дела и поступки не человеческие, но самые зверские, и рвут у меня во все стороны; я не чаю, чтоб которая подобна губерния делами была здешнему пропастному месту, понеже, кроме губернских дел, война здесь непрестанная, а людей у меня зело мало, и те наги и не вооружены. Также в прочих губерниях определены губернаторам в помощь камериры, рентмейстеры и земские судьи, а у меня никого нет, и во всех делах принужден сам тру-

даться, так что истинно перо из рук моих не выходит. Еще его величество изволил показать милость, что пожаловал мне Кикина, от которого в канцелярских делах хотя уже мне некоторая помощь, а то б я мог уже и последнего ума лишиться, ибо всего отсюда на мне на одном взыскивают, а о чем куда ни пишу, ниоткуда резолюции нет; сверх того, чужестранные дела я должен отправлять и мучить живот свой с такими дикими варварами; также здешнего порта флот, и вся коммерция, и притом рыбные и соляные дела, моего ж труда требуют; и тако ежели, ваше величество, не сотворите надо мною бедным милость, то я поистине или пропаду, или остатнего ума лишен буду; я подпишуся в том на смерть, что не токмо моему такому слабому и малолетнему уму, но, кто б какой остроты ни был, один всех дел управить не может, хотя бы как ни трудился. Однакож не знаю, как и мне больше того трудиться, понеже и так застал уже достаточным чернецом и богомольцем и такую регулу держу, что из двора никуды не выхожу, кроме канцелярии, да изредка в церковь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.